

Вэнь Жунь попросил дядю Яна помочь с рекомендациями и отправился в семьи Чэн и Лю. Однако семья Чэн выдвинула условие: сразу трое сыновей — Лаосань, Лаосы и Лаову — должны поступить в дом Ванов в качестве долгосрочных работников. У них и земли мало, и людей много — сил хоть отбавляй.

Вэнь Жунь осмотрел дом Чэнов: три основные комнаты, по бокам — флигели. Восточный и западный флигели занимали старшие сыновья с жёнами. После свадеб младшие сыновья — Лаосань, Лаосы и Лаову — ютились все вместе в восточной комнате, а старик с женой жили в западной.

Сзади стояла кладовая. Всё хозяйство семьи — одна старая буйволица. А людей в доме — больше десятка! При этом у них всего пятьдесят му земли.

После уплаты налогов едва хватало на пропитание, не говоря уже о прочих расходах — дровах, рисе, масле, соли, соевом соусе, уксусе и чае. Год за годом они еле сводили концы с концами, а после свадеб двух старших сыновей положение стало ещё хуже.

Ведь невестки нарожали детей — целых семь-восемь!

Старшие уже бегали по двору, младших ещё лежали на руках. В те времена не существовало никакого планирования семьи: пока здоровье позволяло и супружеская жизнь ладилась, дети появлялись один за другим.

Бесплодных почти не встречалось. Даже тётя Цуйхуа однажды забеременела, просто не сумела выносить — случился выкидыш.

Эта семья действительно жила в крайней бедности. Вэнь Жунь предложил очень выгодные условия: пять гуаней медяков в год (то есть пять лянов серебра) жалованья каждому работнику.

К тому же в праздники и по большим праздникам им разрешалось брать отпуск и возвращаться домой к семье.

Кроме того, раз в сезон — четыре раза в год — работники получали по два комплекта одежды: с ног до головы, от нижнего белья до верхней одежды.

Правда, эта одежда предназначалась исключительно для самих работников и не могла передаваться домой родственникам. Вэнь Жунь хотел сшить униформу единого покроя — чтобы все сразу видели: это работники дома Ванов.

В этом вопросе он был непреклонен.

Старуха из семьи Чэнов на самом деле надеялась, что сыновья принесут домой новые наряды,

которые можно будет переделать — и вся семья хоть немного обновится. Но раз Вэнь Жунь так чётко выразился, эта надежда растаяла.

Господин цзюйжэнь обеспечивал работников всем необходимым: трёхразовым питанием, местом для сна и всем остальным — от еды и питья до уборной и постельных принадлежностей. Новым работникам даже выдавали свежие постельные комплекты. Им оставалось лишь приходить на работу.

Обязанности были совсем несложными. У семьи Вэнь Жуня почти не было земли, и обрабатывать поля они не собирались — разве что небольшой огород. Поэтому от работников требовалось выполнять лишь повседневные хозяйственные дела: убирать двор, ухаживать за лошадью и кормить буйволов, носить воду, колоть дрова и тому подобное.

Ведь всем в деревне было известно: в доме Ванов всего четверо — один господин цзюйжэнь (а это ведь учёный человек!), да трое малолетних детей. Что они могут сами сделать?

Без долгосрочных работников здесь точно не обойтись.

Кроме того, господин цзюйжэнь собирался покупать землю и обещал первоочередное право аренды именно семьям своих работников.

Трое братьев — Чэн Лаосань, Чэн Лаосы и Чэн Лаову — могли по очереди возвращаться домой на пару дней во время сельскохозяйственных работ, а в остальное время обязаны были находиться в доме Ванов.

С точки зрения Вэнь Жуня, жалование было невелико, условия довольно строгие, да и жили работники прямо в его доме — то есть фактически находились на службе круглосуточно, готовые в любой момент откликнуться на зов.

Если бы у людей был хоть какой-то выбор, вряд ли кто-то согласился бы становиться «чаньгуном».

Но для семьи старика Чэна это казалось просто раем!

— Пойдём! Мы пойдём! — взволнованно воскликнули три брата. — Будьте спокойны, мы будем усердно трудиться!

Даже не ради жалования — а ради возможности арендовать побольше земли! У них сил хоть отбавляй, но куда их девать. Раньше братья пробовали зарабатывать: два года назад ходили на повинности. Бывало, некоторые семьи, не желая или не имея возможности выполнять трудовую повинность сами, нанимали других людей в качестве замены. За такие работы платили даже немного больше, но были крайне изнурительными — обычно это были тяжёлые работы вроде расчистки русел рек. Там легко простудиться, заболеть; даже если не заболеешь

сразу, долгая работа на холоде непременно оставит последствия — в старости ноги будут мучить нещадно!

А вот работать у дома Ванов — совсем другое дело.

Достаточно взглянуть на эту огромную усадьбу — сразу ясно: у господ Ванов денег куры не клюют.

К тому же господин цзюйжэнь очень добрый. Когда строили дом, кормили отлично. А по словам племянника, который учился у Вэнь Жуня, даже на переменах учитель угощал детей: каждому по чашке яичного суфле или хотя бы по яйцу. Ученикам никогда не доставалось меньше положенного, и всегда это была хорошая еда.

Да и живут-то все в одной деревне — если дома что-то случится, можно будет прийти помочь. Господин цзюйжэнь, конечно, не станет запрещать.

Плюс ещё и разрешают в сезон уборки урожая пару дней поработать дома — это уже огромная удача!

Старик Чжан, услышав, что обе стороны довольны, сказал:

— Раз все согласны — пусть так и будет!

Затем Вэнь Жунь отправился во вторую семью — Лю. У семьи Лю было целых восемь сыновей!

Вэнь Жунь глянул на восьмерых сыновей и на мать Лю — и просто остолбенел. Ну и плодовитая женщина!

Семья Лю была так же бедна, как и семья Чэн. Старшие сыновья уже женились и народили четверых детей. С третьего по восьмого ребенка еще никто не женился.

Третий, четвертый и пятый сыновья согласились идти в дом Ванов. Шестому — десять лет, седьмому и восьмому — восемь и шесть лет соответственно.

Шестой, седьмой и восьмой уже учились грамоте у Вэнь Жуня и регулярно ходили к нему заниматься.

Мать Лю чувствовала, что им нечем отблагодарить господина Вэня, и потому сшила по паре обуви каждому из троих детей Ванов. Бабушка была искусной мастерицей — туфли получились отличные. Особенно красивы были туфельки для Ван Мэй: на них алой нитью была вышита маленькая цветочная розетка.

— Только ведь ты изначально говорил, что нужны пять человек, а теперь уже шесть, — забеспокоился дядя Ян, опасаясь, что Вэнь Жуню не хватит места или работы для такого количества людей.

— Хватит, хватит! — заверил его Вэнь Жунь. — Пусть будет шесть! У меня во флигеле перед главным домом пять комнат, все с печами-канами. Трое братьев из семьи Чэн займут одну комнату, трое из семьи Лю — другую. Остальные три комнаты: одна — для еды, вторая — для хранения вещей, третья — для повозки. Всё отлично устроится!

Чем больше людей — тем легче дела. Вэнь Жунь решил вообще не давать своим младшим братьям никакой домашней работы, а полностью посвятить их учёбе. Он заметил: дети из семьи Ван очень сообразительны. Если будут хорошо учиться, вполне могут сдать экзамены и получить учёную степень.

О чиновничьей карьере он пока не мечтал, но даже степень суйцзя («цветущего таланта») — уже огромный шаг вперёд по сравнению с простым крестьянским статусом!

Условия для всех шестерых были одинаковые, и начать работу они могли уже на следующий день.

Разобравшись с наймом работников, Вэнь Жунь наконец перевёл дух. Зима уже на носу, а у него ещё столько дел: нужно запастись продовольствием, снова закупать зерно...

В это время женщины в деревне ходили в горы за грибами, сушили их или солили на зиму. Кто-то начал сушить овощи... Но Вэнь Жунь во всём этом ничего не понимал.

Придётся сначала купить готовые запасы, а уж в следующем году — делать всё самим.

Поблагодарив старика Чжана и дядю с тётей Ян за помощь, Вэнь Жунь вернулся домой — и обнаружил, что тётя Цуйхуа уже здесь. Она готовила обед, весь дом был вымыт до блеска, даже грязное бельё постирали и развесили сушиться во дворе.

Трое детей сидели на маленьких табуретках у крыльца, о чём-то болтая. Ван Мэй смеялась, а старшие братья чистили для неё мандарины.

Это были мандарины из семьи Лао Суня — у них в саду росло больше десятка мандариновых деревьев. Каждый год урожай позволял всем в деревне полакомиться. Продавать их особо не получалось — цены низкие, но зато можно «подсластить рот» соседям. Это были маленькие, очень сладкие мандаринки.

У Сунев был внук, который учился у Вэнь Жуня, поэтому они прислали целых два больших короба таких мандаринов.

— Старший зять! — обрадовались дети, увидев Вэнь Жуня, и вскочили на ноги.

Теперь они были одеты в чистую, аккуратную одежду, щёчки румяные. Видно было: с переездом в новый дом их жизнь действительно стала лучше.

— А, тётя Цуйхуа уже пришла? — спросил Вэнь Жунь, взглянув на причёску Ван Мэй. Он сам умел заплести разве что простой хвостик. Либо тётя Ян помогала девочке собрать волосы, либо тётя Цуйхуа делала милый пучок. В любом случае — гораздо лучше, чем он, да и умела красиво наряжать маленькую девочку.

— Да, она на кухне, — ответили дети. — Принесла с собой вещи и сказала, что теперь будет жить у нас.

Дети прекрасно понимали: теперь, когда старший зять стал господином с учёной степенью, ему больше не придётся лично заниматься домашним хозяйством. Чтобы жить по-настоящему по-господски, нужны повар, уборщица, прачка...

— Значит, вам больше не придётся делать всю эту работу, — сказал Вэнь Жунь. — Завтра придут работники, и вся тяжёлая работа будет на них. Вы же с братом сосредоточьтесь на учёбе. — Он погладил младших братьев по голове. — Если будете хорошо учиться и получите хотя бы степень суйцая — это уже гораздо лучше, чем быть простым крестьянином без всяких прав!

В эту эпоху без учёной степени было по-настоящему трудно. Даже богатый землевладелец обязан был платить налоги и нести трудовую повинность.

Можно было, конечно, заплатить за замену на повинностях — но стоил такой «номер» целых пятьдесят лянов серебра!

Причём из этих пятидесяти лянов, переданных властям, самому работнику доставалось лишь десять, а то и всего пять лянов. И даже при таких условиях в Ляньхуаао многие охотно рвались на такую работу.

Но в этом году всё изменилось: ни налогов, ни повинностей! Вэнь Жунь строил дом — и все приходили помогать добровольно. Никто больше не гонялся за этой изнурительной работой: теперь в каждой семье оставался хоть небольшой излишек зерна, а налоги платили лишь половину — прямо господину Вану.

Благодаря этому кладовые Вэнь Жуня уже ломились от запасов!

Однако он всё равно собирался закупить ещё продовольствия — на два года вперёд. Как говорится: «Если в амбаре есть зерно — душа спокойна».

Они как раз об этом и говорили, когда появилась тётя Цуйхуа:

— Обед готов, всё на столе в столовой. Можно есть!

— Отлично! — Вэнь Жунь подхватил на руки сестрёнку. — Пошли, помоем руки и поедим.

Два брата радостно закричали и бросились мыть руки. Они ведь уже пробовали готовку Вэнь Жуня — честно говоря, получалось не очень. А вот тётя Цуйхуа готовила вкусно!

Сегодня на обед было два блюда: жареная китайская колбаса с капустой и тушёная утка.

На гарнир — рис с просом и суп из тофу с посыпанным сверху зелёным луком. От одного запаха уже текли слюнки.

Все уже сели за стол, но тётя Цуйхуа не было. Вэнь Жунь встал:

— Пойду посмотрю.

Дети не тронули палочки. Вэнь Жунь заглянул на кухню и увидел: тётя Цуйхуа уже убрала всё до блеска и собиралась есть сама. Перед ней стояла миска риса, миска жареной колбасы с капустой и маленькая тарелочка солёной капусты. Тушёной утки для себя она не оставила — только капусту с минимумом колбасы.

Увидев Вэнь Жуня, она испуганно вскочила:

— Что-то случилось?

— Идите к нам за стол! — поспешно сказал Вэнь Жунь. — Нас всего четверо, лишних палочек не бывает.

— Нет-нет, это не по правилам, — запротестовала тётя Цуйхуа. — Да и завтра придут работники — разве можно будет всех сажать за один стол?

Она знала: в чужом доме слуги никогда не едят за общим столом с хозяевами.

Поэтому она и собиралась перекусить на кухне, да ещё и специально взяла себе самое простое блюдо.

— Какие правила! — усмехнулся Вэнь Жунь. — У нас так и будет: все вместе едим. Если придут гости — тогда, может, и не получится, но пока — только так!

К тому же работники будут есть в переднем флигеле, и вообще едят то же самое, что и мы. У нас и кур, и уток, и гусей, и свиней — хоть завались!

Ведь сейчас у дома Ванов было больше всего именно выращенной за год домашней птицы и скота — всё это односельчане приносили вместо налогов и повинностей. Вэнь Жунь принимал всё: ему не обязательно нужны были деньги.

— Пошли в столовую, — Вэнь Жунь взял её миски и пошёл вперёд. — Ешьте с нами.

Тётя Цуйхуа не могла упереться и послушно последовала за ним. Вэнь Жунь поставил её еду на общий стол:

— Вот так и будем есть. Если придут гости — вы будете сидеть за столом с детьми. А без гостей — все вместе.

— Хорошо! — поспешно согласилась тётя Цуйхуа.

За ужином было две тушёные утки. Вэнь Жунь раздал каждому из троих детей по утиной ножке, последнюю ножку отдал тёте Цуйхуа, а себе взял два утиных желудка.

— Ешьте, ешьте! — сказал он, заметив, что все четверо смотрят на него. — Мне просто захотелось чего-нибудь необычного. Вы ешьте ножки.

Все четверо тут же опустили головы и усердно занялись едой.

После ужина вместе убрали со стола. Тётя Цуйхуа вскипятила воду, и все хорошенько помылись. Потом уютно устроились на тёплых печках-канах: тётя Цуйхуа спала с Ван Мэй — так удобнее заботиться о девочке ночью. Два брата пока спали в одной комнате — поодиночке им было страшно. А Вэнь Жунь разместился один в главной спальне главного дома: широкая печь, большой шкаф, да ещё два припечных сундука для одежды и личных вещей.

На следующее утро после завтрака Вэнь Жунь отправился к старику Чжану:

— У кого есть излишки зерна? Хочу купить пятьсот цзиней. Лучше рис в шелухе — будем молотить по мере надобности, так дольше хранится.

— Есть, конечно! — ответил старик Чжан. — Есть и сушёные грибы, и сушёные овощи — всё, что нужно.

— Беру! — Вэнь Жунь энергично закивал. — У нас в этом году совсем нет заготовок — придётся покупать готовые!

Старик Чжан тут же принялся всё организовывать.

Вскоре кладовку заполнили: лук, чеснок, имбирь, сушёные грибы, бамбуковые побеги, перец чили, баклажаны... Всевозможные сушёные продукты занимали уже целую комнату.

Как раз вовремя подспели и работники — сразу начали раскладывать и упорядочивать припасы.

Зерно Вэнь Жунь сложил в заднюю кладовую («хоу-чжаофан»). Переднюю кладовую, расположенную в угловой комнате первого двора, отвели под повседневные запасы. А в угловой комнате второго двора хранились тонкие крупы — рис и пшеничная мука, которых тоже было немало.

В первый же день работы тётя Цуйхуа приготовила на обед курицу с каштанами и «яньдусянь» (суп из свежего и солёного бамбука с мясом), на гарнир — рис с просом и яичный суп.

Еда была жирной, вкусной и сытной. Шестеро работников ели, не отрывая головы от тарелок — такого дома они никогда не ели!

Вэнь Жунь ел то же самое, что и они, только детям дополнительно подали по чашке яичного суфле.

А к вечеру, после целого дня тяжёлой работы, ужин был ещё богаче: тушили гуся и свинину с тофу — оба блюда очень жирные и питательные.

На гарнир — лепёшки с зелёным луком.

После ужина всех ждала тёплая ванночка для ног — блаженство!

Когда работники пришли устраиваться, у каждого уже была готова униформа: одинаковые синие рубашки и маленькие шапочки, короткая удобная одежда для работы. И еда отличная, и постельные принадлежности новые!

Перед тем как прийти на работу, все специально выкупались дома, пришли чистыми и сразу переоделись в новую форму.

Лёжа на тёплых канах, трое братьев из семьи Лю не могли уснуть — и трое братьев Чэн в соседней комнате чувствовали то же самое.

<http://bllate.org/book/15642/1398053>